

СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ

Троцкистская шайка реставраторов капитализма

(Переводная „Правды“ от 26 января)

О каждом часе судебного следствия на процессе антисоветского троцкистского центра все более обнажаются грязные душишки участников этой шайки, все более раскрываются не только их преступные действия, но и их стремления, замыслы, программа удушения народов СССР. Пятаков, Радек, Сокольников и прочие оберподлецы Троцкого признают, что их цель, их программа кратчайшим образом определяется как реставрация капитализма в нашей стране.

Троцкистская шайка и ее атаман не ограничивали себя одной только формулой реставрации капитализма. Они распыливали и детализировали эту формулу в переговорах и соглашениях с германскими и японскими империалистами, на штыках которых мечтали пробраться к власти.

Основой для переговоров с империалистами о продаже нашей родины Троцкий выдвинул, как это видно из обвинительного заключения и как это подтверждают троцкистские бандиты на суде, развитие в СССР частного капитала, роспуск колхозов, ликвидацию совхозов, отказ от политики индустриализации, сдачу в концессию иностранным капиталистам целого ряда советских предприятий и предоставление Германии и Японии других экономических и политических выгод, в том числе уступки части советской территории.

Обесшаренной, обескровленной, разорванной на части иностранными империалистами, вернувшейся к капиталистическому варварству, — такой хотели сделать нашу родину троцкисты. Иуда Троцкий писал своим сообщникам — Радеку, Пятакову и другим, что он добивается «приравнения социальной структуры СССР к капиталистическим государствам». Пожилые рабочие и крестьяне СССР хорошо знают, что означает капиталистическое «приравнение». Это — ликвидация социализма в СССР, замена диктатуры рабочего класса диктатурой капиталистов и помещиков.

По статье 6 Сталинской Конституции СССР «земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием».

Все эти богатства нашей родины, добытые упорным трудом народа, троцкисты хотели отнять у народов СССР и передать их в грабительские руки иностранных капиталистов.

В показаниях на суде Пятаков, Радек, Сокольников рассказали, как представляли они себе процесс возрождения капитализма. Крупные предприятия они хотели сдать в концессию японским и немецким капиталистам. Вокруг концессионеров сосредоточивается частный капитал. Возрождается частная промышленность и торговля во все больших размерах, образуется новая «своя» буржуазия, подчиненная буржуазии германской и японской. Колхозы распускаются, и на основе частного-собственнического хозяйства восстанавливаются капиталистические отношения и в деревне, и в городе.

Троцкисты хотели, чтобы опять, как встарь, воцарились на фабриках и заводах прежние, капиталистические порядки. Они хотели, чтобы рабочий, который ныне в Советском Союзе полноправный хозяин на фабрике, стал рабом капиталиста; чтобы советский рабочий — ныне хозяин машины — стал ее невольником, придатком машины. Троцкисты хотели и добивались того, чтобы уничтожить завоевания рабочего класса СССР — завоевания всемирно-исторического значения. Они хотели уничтожить семидесятилетний день, уничтожить великие наши права на труд, на отдых, на образование, возродить ужасы безработицы, которые хорошо знакомы рабочим любого капиталистического государства и от которых избавлена победой социализма счастливая советская молодежь.

Троцкисты добивались, хотели распустить колхозы, которые являются богатством на глазу у капиталистических хищников. В колхозах десятки миллионов крестьян СССР нашли избавление от вековой эксплуатации помещика и кулака, нашли путь к зажиточной и культурной жизни, путь к ликвидации векового идиотизма деревенской жизни, путь к счастью. Этого счастья

творческого коллективного труда, хотела лишить наших крестьян троцкистская шайка.

Советская земля, занимаемая колхозами, закреплена за ними Сталинской Конституцией, в бесплатное и бессрочное пользование, то есть даром. Иуда Троцкий и его банда собирались не только отнять германским и японским империалистам Украину, Приморье и Приамурье, но и по всей стране изрезать прекрасную советскую землю на именина кулаков и помещиков и десятки миллионов мельчайших полосок единоличных хозяйств.

Троцкистская мразь мечтала, чтобы вернулись безземелье и бедность в крестьянские семьи, чтобы снова, как когда-то в царской России и теперь во всем капиталистическом мире, росли в нашей деревне на одном полюсе — нищета и голод миллионов, на другом полюсе — богатство кучки эксплуататоров. Они, троцкистские бандиты, хотели, чтобы кулаки стали хозяевами и господами в нашей деревне, они хотели разорить миллионы крестьян и отдать их в вечную кабалу кулаку и иностранному капиталисту, обречь крестьянство на муки голода, нищеты и унижения.

Троцкий и его банда стремились сделать всю нашу страну придатком, «экономическим дополнением» к капиталистическому хозяйству Германии и Японии, превратить цветущую нашу родину в колонию германского и японского империализма. Троцкий замыслил дать Германии и Японии эксклюзивные права на нашу нефть, марганец, золото, нефть, апатиты и поставлять им продовольствие и жиры по ценам ниже мировых. Троцкий и его шайка хотели ликвидировать великие свободы советских граждан, записанные в Сталинской Конституции победившего социализма, и приравнять народы СССР сапогом германской и японской военщины. Они хотели расчленил Союз Советских Социалистических Республик и наделить на народы СССР ярмо колониальной эксплуатации.

Троцкисты, в полном согласии со своими хозяевами, в полном согласии с Гитлером, хотели ликвидировать достигнутое в СССР и записанное в нашей Конституции полное равноправие наций и рас. Они хотели низвести русский, украинский, белорусский, грузинский и все другие народы СССР на ступень «низшей расы», которой будет повелевать «высшая раса» разбойничьего германского фашизма. В книге Гитлера «Моя борьба», этом евангелии фашистского развоя, изложены заветные мечты германского империализма, которые легли в основу программы Иуды Троцкого. Гитлер пишет:

«Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

Германский фашизм хочет завоевать советские земли и покорить народы СССР, дабы «применить к делу рабочую силу низших рас»... и в качестве завоевателя заставить их «работать так, как это соответствовало его желанию и его целям».

Эта бредовая мечта фашистских хозяев, — которая никогда не будет осуществлена! — стала мечтой и троцкистской банды, вытеснившей программу колониального порабощения СССР, программу реставрации капитализма в СССР. Как и их хозяева, троцкистские холопы надеялись только на поражение СССР в войне с германским и японским империализмом и стремились ускорить эту войну и подготовить поражение СССР. Они устраивали взрывы на предприятиях, они составляли шпионские сводки для фашистских разведок, они убивали и отравляли рабочих и красноармейцев, взрослых и детей, они совершали все мыслимые подлости и злодейства и изобретали все новые сверхподлости и ультразлодейства, чтобы пробраться к власти и восстановить капитализм в нашей стране. Никогда не сбылись эти мечты подлейших из подлых! Нет и не будет в мире той силы, которая могла бы повернуть нас назад, под ярмо капитализма.

Отвратительны, гнусны, трижды подлы, но и ничтожны даже в ярости своей бешеные троцкистские псы, возмечтавшие отнять в капиталистическое рабство великую семью народов СССР. Великим гневом к троцкистской падали привлечены сердца десятков миллионов трудящихся.

Суровая рука социалистического закона сметет с лица прекрасной советской земли троцкистскую нечисть.

Великим гневом к троцкистской падали наполнены сердца десятков миллионов трудящихся

СУРОВАЯ РУКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЗАКОНА СМЕТЕТ С ЛИЦА ПРЕКРАСНОЙ СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ ТРОЦКИСТСКУЮ НЕЧИСТЬ

Расстрел — единственно правильное решение

ПРОКОПЬЕВСК, 25. (Наш корр.). Обвинительное заключение по делу параллельного центра троцкистских бандитов нескольких шахтеров угольного Проктопьевска.

На всех шахтах треста Сталинуголь и Проктопьевскуголь, во всех учреждениях города проходят многолюдные митинги с требованием беспощадной кары к изменникам родины, врагам трудящихся — фашистским убийцам, троцкистам-диверсантам.

Тысячный митинг трудящихся шахты им. Сталина требует от Верховного суда вывести всех гадами один приговор: высшую меру социальной защиты — расстрел. В своем выступлении лучший стахановец — инструктор стахановских методов труда шахты им. Сталина — тов. Печенев говорит:

— Нам известен план бывшего главного инженера Кузбассугля Строилова, продавшегося германскому фашизму, — довести добычу шахт Проктопьевска в 1939 году до 3 миллионов тонн угля. Этот гад просчитался. Проктопьевск будет давать свыше 10 миллионов тонн. Одна шахта им. Сталина имеет все перспективы достичь в ближайшее время 3 с лишним миллионов тонн годовой добычи угля.

С напряженным вниманием рабочие и инженерно-технические работники шахты им. Ворошилова слушали сообщение о процессе контрреволюционной троцкистской банды. Десятки лучших людей шахты выступили с требованием от суда стереть с лица земли мерзких гадов. На митинге выступил старейший рабочий, сейчас начальник 11-го района, тов. Сычев.

— Мы знаем, что наймиту иностранного капитала на протяжении 19 лет Советской власти всячески старались подорвать наше социалистическое строительство. Эта банда хотела раз-

лить нашу счастливую, радостную, цветущую страну. Это им не удалось. Мы беспощадно расправимся с этими гадами. Шахтеры Кузбасса сумеют защитить свою родину, пусть не забывают фашистские наймиты, что мы владеем не только отбойным молотком, но и винтовкой. Мы сумеем дать по рукам тому, кто посмеет сунуть свое свиное рыло в наш советский огород.

Никакой пощады убийцам, — таково требование рабочих шахты им. Калинина.

— Озлобленные нашими победами троцкистские гады, — заявил в своем выступлении запальщик Илюшенко, — сговорились с германскими и японскими фашистами свергнуть Советскую власть, вернуть на нашу шею капиталистов и по частям разделить советскую землю с ее богатыми недрами и лесами. Они убийли нашего любимого Митрофанова, эти бандиты убийли наших кемеровских товарищей, они убийли наших сынов, братьев красноармейцев. Они готовили чудовищное злодеяние — покушение на великого Сталина. У нас одно требование: расстрелять гадов!

— Мы сильны и непобедимы, потому что нами руководит коммунистическая партия Ленина — Сталина во главе с нашим великим вождем и учителем товарищем Сталиным, — заявили шахтеры.

В своих решениях горняки единогласно требуют от Верховного суда расстрелять агентов фашизма, наймитов с политичным. На всех собраниях рабочие в своих решениях требуют немедленного предания суду фашистских псов, правых двурушников и контрреволюционеров Бухарина и Рыкова, требуют, чтобы они были уничтожены, как смертельные враги советского народа.

НИКАКАЯ СИЛА НЕ ПОКОЛЕБЛЕТ НАС

КЕМЕРОВО, 25. (По телефону от наш. корр.). Мы, рабочие, инженеры, техники и служащие Кемеровского механического завода, прочитав обвинительное заключение и материалы суда по делу троцкистского параллельного центра в составе Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова и их сообщников Лившица, Строилова, Норкина, Дробинца, Ратайчака, Шестова, Арпола и других, глубоко возмущены подлыми действиями этой диверсионной шайки фашистских наймитов и требуем от Военной коллегии Верховного суда черным изменникам и террористам самого сурового приговора — расстрела. Наше мнение, что и правые отщепенцы, ставшие откровенными фашистами, заслуживают такой же меры наказания.

Мы еще крепче сплотились вокруг коммунистической партии и великого Сталина, выше поднимем революционную бдительность и в совершенстве освоим выпуск сложных механизмов, необходимых для превращения Кузбасса во второй Донбасс.

Добить троцкистскую нечисть

Величайшим гневом и ненавистью к подлым злодеям из антисоветского троцкистского центра дышали речу рабочих на митингах, состоявшихся вчера на мельнице № 3-4.

— Сердца наших рабочих кипят от негодования к этим мерзавцам. Они хотели снова посадить нас на шею капиталистов и помещиков. Для этих гадов может быть только один приговор: расстрелять их! — сказал при общем одобрении всех присутствующих плотник Гашников.

— Мы требуем от Военной коллегии Верховного суда расстрела троцкистско-фашистской сволочи, — заявил в своей речи тов. Павлов. — Мы требуем также, чтобы и их гнусные сообщники Бухарин, Рыков и другие были привлечены к самой суровой ответственности. Предателям, изменникам родины не может быть никакой пощады.

Старейшие рабочие мельницы тт. Златов и Баскаков, выражая свое

глубокое возмущение преступной деятельностью троцкистских головорезов и требуя расстрела их, призывали всех рабочих еще теснее сплотиться вокруг коммунистической партии, вокруг любимого вождя трудящихся товарища Сталина. Они указывали на необходимость повышения революционной бдительности.

— Враг хитер и коварен. Он таится под маской друга. Есть еще злые гады и у нас на предприятии. Мы должны разоблачить их до конца.

В своих решениях рабочие мельницы № 3-4 заявляют:

— Мы никому не позволим посягнуть на великие завоевания нашей революции. С оружием в руках мы готовы защищать нашу родину от фашистских разбойников. Мы требуем расстрелять изменников отечества.

В ответ на злые козни презренных врагов рабочие взяли на себя обязательство повысить производительность труда на мельнице.

Митинг рабочих строительства Дома науки и культуры по поводу процесса над антисоветским троцкистским центром 25 января. Выступает старший производственный, спесарь-стахановец механического цеха строительства т. Елисеев Иван Петрович. Фото Г. АКИМОЛЕНКО.

ВРАГИ НАРОДА ДОЛЖНЫ БЫТЬ УНИЧТОЖЕНЫ

На десятках митингов и собраниях трудящиеся города, студенческая молодежь, научные работники выражают чувство величайшего негодования и презрения подлым изменникам родины, троцкистским бандитам Пятакову, Радеку, Серебрякову и другим.

Единодушное требование трудящихся — расстрелять диверсантов, агентов фашистской охраны. Этого требуют рабочие весового завода, рабочие завода им. Рухимовича. Этого требуют инженеры геологического треста.

Научные работники университета и студенты пишут в своей резолюции: — Волжский, кто попытается лишить нас добытой в героической борьбе под руководством товарища Сталина Сталинской Конституции, — будет уничтожен.

Беспощадной расправы с изменниками и предателями потребовали 600 рабочих Самусьевского затона. Здесь принято решение: досрочно закончить ремонт судов.

Г. ГРИФ

Томск. (По телефону).

РАССТРЕЛЯТЬ!

Великим гневом, горячей ненавистью по адресу мерзких врагов народа были пронизаны выступления рабочих и рабочих жирокомбината.

На трибуне — слесарь ремонтной мастерской тов. Силин.

— Фашистские наймиты, эти собаки, во главе с Иудой Троцким, мечтали расстрелять ряды рабочих и крестьян. Так пусть враги всех мастей знают, что нет и не может быть такой силы, которая могла бы ослабить монолитные ряды советского народа, тесно сомкнувшегося вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг родного отца, великого вождя товарища Сталина. Мое мнение: всех этих гадов надо уничтожить, чтобы и духа от них не осталось.

Тов. Городилов — заведующий бон-

дарной мастерской — говорит, что троцкистские последыни, верные слуги кровавого фашизма хотели продажей нашей родины, возвращением к нам капиталистов и помещиков, убийством рабочих, красноармейцев свергнуть любимую нами и добытую кровью советскую власть. Нет, не выйдет! Мы сильны, как никогда. Наши славные чекисты поймают с политичным этих кровавых псов. Расстрелять, — другого приговора для этих подлых бандитов быть не может.

Весь многочисленный коллектив рабочих и работников жирокомбината в единогласно принятой резолюции требует: — Расстрелять!

Подлых двурушников-контрреволюционеров Рыкова и Бухарина судить, как фашистских псов.

СОБРАНИЕ НОВОСИБИРСКОГО ПАРТАКТИВА

Вчера на собрании партийного актива продолжались прения по докладу Роберта Индриковича Эйхе. Выступили тт. Смирнов (Кировский район), Крюков (Сибмагстрой), Смелянская (горком партии), Степанов (начальник подорожия, Морозов (ВБСХП), Глазков (Даржвинский район), Миллер (секретарь горкома ВКП(б), Барков (краевой прокурор), Головачев (председатель горсовета), Турло (Эйхенский район) и командир Гайлит (командующий Сибво).

Гневом и ненавистью по адресу подлых изменников родины, троцкистских бандитов и их правых сообщников дышали все речи выступавших. Бурей аплодисментов встречал актив каждое требование о беспощадной каре закланных врагам народа, об уничтожении их всех до одного.

Тт. Миллер и Степанов подвергли резкой критике грубые политические ошибки, допущенные в выступлениях т. Эйчин и попытку замолчать крупнейшие недостатки партийной работы в Кагановичском районе.

Все ораторы говорили о правильности большевистской оценки, которую дал тов. Эйхе состоянию партийной работы в новосибирской организации, правильности его указаний о том, что там, где партийная работа отстает, где она не развернута и не бьет ключом, там лет большевистской бдительности. Товарищи призывали немедленно фактов и примеров, свидетельствующих об отставании партийной работы.

С заключительным словом выступил встреченный бурными аплодисментами тов. Р. И. Эйхе. В своем выступлении он дал глубокий анализ происходящего процессу над антисоветским троцкистским центром. Процесс над этими выродками перед всем миром раскрыл

чудовищную цепь преступлений, по добным которым нельзя найти в истории человечества. Роберт Индрикович снова напоминал о необходимости повышения бдительности, которая должна выражаться в знании и изучении людей, в широком развертывании самокритики не взира на лица, в оживлении партийной работы, подтягивании ее идейного уровня. Далеко не все товарищи поняли задачи большевистской самокритики. Как на пример попыток уклониться от самокритики, Роберт Индрикович указывает на выступление секретаря парткома обувной фабрики им. Кирова тов. Шейхетова и на аляповатое выступление тов. Файнера (Госбанк).

В заключение Роберт Индрикович указал, что новосибирский партийный актив всегда был верным оплотом Центрального Комитета партии в борьбе со всеми врагами партии, за линию партии Ленина — Сталина. Тов. Эйхе призвал еще выше поднять большевистскую бдительность, вскрыть до конца все подпольные норы, куда укрывались осколки троцкистской мрази и контрреволюционные приспешники правых отщепенцев Бухарина и Рыкова.

Новосибирский партийный актив еще крепче сплотился вокруг ЦК и любимого вождя товарища Сталина для новых победных боев за коммунизм.

Последние слова тов. Эйхе тонули в буре оваций. Раздаются возгласы: «Да здравствует ЦК ВКП(б)». «Да здравствует наш родной товарищ Сталин!». «Да здравствует тов. Эйхе!».

В мощном порыве весь зал поет победный пролетарский гимн «Интернационал».

После принятия решения собрание актива закрылось.

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Утреннее заседание 24 января

Допрос подсудимого Радека

Из показаний Радека выясняется, что в партию он вернулся дружкойм и вскоре после возвращения из ссылки восстановил свои троцкистские связи и по коренным вопросам политики продолжал придерживаться троцкистских взглядов.

Вышинский: С кем из троцкистов вы сохранили связь?

Радек: Я был связан дружбой с Мрачковским, был связан старой дружбой с И. Н. Смирновым, связан с Дрейдером, с его ближайшим помощником Гавеским, не говоря уже о моих старых личных друзьях, с которыми я был связан, — с Пятаковым, Преображенским, Смигдой, Серебряковым.

Вышинский: Это было в 1930—1931 году?

Радек: Да, это было в 1930 и 1931 году. Уже тогда, в 1931 г., я переоценивал силу сопротивления кулачества, испугался затруднений и стал, таким образом, отражением враждебных пролетариату сил.

Вышинский: Когда вы узнали о существовании и деятельности объединенного центра?

Радек: Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года.

Вышинский: От кого?

Радек: Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале — марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года.

Вышинский: Что же Троцкий вам тогда писал?

Радек: Троцкий, примерно, говорил: «Вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у вас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что новое в этом фазисе состоит в том, что или мы будем уничтожены совместно с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства». Слово «террор» не было брошено, но когда я прочел «устранение руководства», то мне стало ясно, о чем Троцкий думает.

Вышинский: Как вы приняли это письмо?

Радек: Приблизительно к концу сентября или октября 1932 г. я принял решение о возвращении на путь борьбы. Произошел разговор между мною и Мрачковским, которому я сказал: «Я решил идти с вами совместно». В свою очередь, я спросил его, как они себе представляют борьбу и как далеко продвинулось дело сближения с зиновьевцами.

Вышинский: Что вам ответил Мрачковский?

Радек: Он ответил совершенно определенно, что борьба вошла в террористическую фазу и для реализации этой тактики мы теперь объединились с зиновьевцами и возьмемся за подготовительную работу.

Как показывает затем Радек, Мрачковский сказал ему, что на случай провала объединенный центр хочет сохранить Радека, Пятакова, Серебрякова для руководства в дальнейшем антисоветской борьбе.

Далее Радек признает, что ему задолго до убийства Кирова было известно о подготовке к этому покушению со стороны зиновьевцев. Такое же покушение готовили и троцкисты, причем здесь виднейшую роль играл сам Радек, выдвинувший для организации террористической группы в Ленинграде Пригожина. Знал он и о том, что общее руководство террористической деятельностью у зиновьевцев осуществлял Бакаев, как Мрачковский в организации троцкистов, а в Москве руководил Рейнгольд.

Вышинский: Что вам известно о террористической деятельности других групп?

Радек: Я знал в 1934 году о формировании группы под руководством Фрийдмана. Заместитель Дрейдера Гавеский меня известил, что формируется группа серьезных людей; что она теперь не будет действовать, а это будет резерв на случай провала. Пятаков сказал о том, что украинский центр — он назвал Коцюбинского, Голубенко и, кажется, Логина — формирует террористическую группу, которая будет действовать против руководителей коммунистической партии и Советского правительства Украины.

Что касается сибирской группы, то Пятаков мне сказал, что она там формируется; как будто назвал при этом и фамилию Муралова.

Кроме этого он говорил, что в Туле возникла или возникла какая-то террористическая группа.

Вышинский: Пятаков назвал вам фамилии?

Радек: Он не назвал фамилий руководителей, но сказал, что эта группа связана с Дитяевой. Кроме того, мне значительно позже, в 1935 году, было известно о формировании Белобородовых группы в Ростове-на-Дону. Было также известно, что Мливанин сформировал группу. В 1935 году я узнал о зиновьевской группе, эта была группа Заска-Галдеева, с которой

был связан в Москве мой сотрудник Тивель.

Вышинский: Какие вы можете назвать конкретные факты о связях с группой правых?

Радек: У меня была связь только с Бухариным. Томского я видел только в 1933 г., когда он говорил в очень острой форме о внутрипартийном положении.

Вышинский: Какие у вас были разговоры с Бухариным?

Радек: Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или июле 1934 г. после перехода Бухарина для работы в редакцию «Известий». В это время мы с ним заговорили как члены двух контактирующих центров. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?».

Он сказал: «Да». Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим».

Вышинский: Дальше какие у вас были разговоры?

Радек: Дальнейшие наши разговоры касались политических последствий убийства Кирова. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало сочувствия в народных массах, как рассчитывали троцкисты-зиновьевцы, а, наоборот, дало объединение народных масс вокруг ЦК, оно привело к аресту большого количества зиновьевцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: или этот акт, как результат тактики единичного террора, требует окончания террористической акции, или он требует идти вперед к групповому террористическому акту. Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают, что было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины — к планомерному террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым.

Вышинский: Придя к заключению о том, что необходимо перейти к групповому террору, вы приняли какие-либо меры к тому, чтобы эту борьбу организовать?

Радек: Приняв, поставив в июле 1935 г. сначала перед Пятаковым, а после в разговоре перед Сокольниковым вопрос: мы продолжаем борьбу или ликвидируем ее?

Вышинский: Каков был ответ?

Радек: Ответ был: «Продолжаем».

При дальнейшем допросе выясняется, что троцкистским центром принимались с этой целью попытки объединить руководство террористическими группами. Руководителем их назначал Дрейдер.

Вышинский: Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся вопросов, если можно так выразиться, внешней политики.

Радек: У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 года. В письме от 1934 г. Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений. Троцкий указывал в этом письме, что он установил контакт с неким дальневосточным и неким средне-европейским государствами, что он официально вступил в переговоры с этими государствами открыто, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами.

Через Ромма, который в мае уезжал за границу, я позвал Троцкого письмом, в котором сообщал о получении его директивы и о том, что мы между собой договорились не выходить в наших шагах здесь дальше завысивания его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: не только мы офици-

ально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами.

Вышинский: Это было в мае 1934 года?

Радек: Это было в мае 1934 года. Осенью 1934 г. на одном дипломатическом приеме известный мне дипломатический представитель средне-европейской державы присел ко мне и начал разговор. Он сказал: «Наши руководители (он это сказал конкретнее) знают, что господин Троцкий стремится к сближению с Германией. Наш вожь спрашивает, что означает эта мысль господина Троцкого? Может быть, это мысль эмигранта, когда ему не спится? Кто стоит за этими мыслями?»

Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что раз я говорю о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и реальные политики; реальные — это Советское правительство, а реальные — это троцкистско-зиновьевский блок. И понятен был смысл того, что я сказал: если блок придет к власти, он пойдет на уступки для сближения с вашим правительством и со страной, которую оно представляет. Давая этот ответ, я понимал, что совершаю акт, недопустимый для гражданина Советского Союза.

Вышинский: Между апрелем и ноябрем 1934 года были у вас на темы, связанные с этим письмом Троцкого, разговоры с другими членами центра?

Радек: Я информировал об этом Пятакова, Сокольников, Серебрякова.

Вышинский: Какие вопросы стояли в письме?

Радек: Победа фашизма в Германии, усиление японской агрессии, неизбежность войны этих государств против СССР, неизбежность поражения СССР, необходимость для блока, если он придет к власти, идти на уступки.

Вышинский: Значит вы были заинтересованы в ускорении войны и заинтересованы в том, чтобы в этой войне СССР пришел к поражению?

Радек: Мы были заинтересованы в поражении.

Пятаков, Сокольников и Серебряков на вопрос государственного обвинителя об их отношении к поражению отвечали, что они разделяли позицию поражения.

Вышинский (к Радеку): Вы сказали, что было и второе письмо в декабре 1935 года. Расскажите о нем.

Радек: Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе Советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок, и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической он предвидел следующие последствия поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств объектов промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам, важным экономическим объектам, которые они наметали. Троцкий предвидел обязательные займы, т. е. допущение иностранного капитала к эксплуатации тех заводов, которые формально останутся в руках Советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с. х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелой конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крупное ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимая от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то это будет аналогия с властью Наполеона I, это будет фашистская власть. «Продумайте эту аналогю», писал Троцкий. Он отдавал себе отчет в том, что хозяином положения, благодаря которому блок может прийти к власти, будет фашизм, с одной стороны германский фашизм и военный фашизм другой — дальневосточной — страны.

А новым в практических выводах было то, что придется согласовать специально эту деятельность, касающуюся вредительства, с тем партнером, при помощи которого блок только и может притти к власти.

Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно — формулировка, что неизбежно выравнивание социального строя СССР с фашистскими странами-победителями, если мы вообще хотим удержаться. Вот эта идея выравнивания, которая была псевдонимом реставрации капитализма, и была тем специфически новым, что бросилось сразу нам в глаза.

Вышинский: Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек: Мы оставались на позиции 1934 года, что поражение неизбежно.

Вышинский: И какой отсюда вывод?

Радек: Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма.

Вышинский: Значит, эта реставрация капитализма, которую Троцкий называл выравниванием социального строя СССР с другими капиталистическими странами, мыслилась как неизбежный результат соглашения с иностранными государствами?

Радек: Как неизбежный результат поражения СССР, его социальных последствий и соглашения на основе этого поражения.

Вышинский: Дальше?

Радек: Третье условие было самым новым для нас — поставить на место Советской власти то, что он называл монархической властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного финансового капитала, служащий чужому финансовому капиталу.

Вышинский: Четвертое условие?

Радек: Четвертое — раздел страны. Германия намерена отдать Украину, Приморье и Приамурье — Японии.

Вышинский: Насчет каких-нибудь других экономических уступок говорили тогда?

Радек: Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растапливаемых дров, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал это без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности обозначало полное закабаление страны.

Вышинский: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорились — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких пожек к завоеванию Китая японским империализмом.

Вышинский: А насчет Придунайских стран?

Радек: О Придунайских и Баденских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вышинский: В этом письме содержались указания о необходимости расширения и активизации вредительской, террористической, диверсионной деятельности?

Радек: Эта деятельность уваживалась со всей программой, и на нее указывалось, как на один из самых важных рычагов прихода к власти. В связи с войной говорились о необходимости разложения троцкистами армии.

Вышинский: А насчет оборонной промышленности не говорились?

Радек: Говорились специально. Диверсионная деятельность троцкистов в военной промышленности должна быть согласована с теми партнерами, с которыми у нас заключены соглашения, т. е. со штабами соответствующих иностранных государств.

Вышинский: Не было ли речь относительно железнодорожного транспорта?

Радек: Для транспорта не могло быть исключения.

Государственный обвинитель выясняет отношение подсудимого к письму Троцкого в декабре 1935 г. и директивам, привезенным Пятаковым от Троцкого.

Вышинский: Пятаков говорил вам о своей поездке в Осло?

Радек: Поездка Пятакова была результатом нашего совещания. Мы пришли к убеждению, что я должен использовать лежащее у меня троцкистское приглашение для поездки в Осло с докладом студентству. Если бы Пятаков не имел командировки, я имея это разрешение, поехал бы с этим докладом в Осло, чтобы, безусловно, повидать Троцкого.

Вышинский: Так что намечалась ваша поездка за границу?

Радек: Или мой, или Пятакова. И это было в тот момент, который для нас всех внутренне означал: пришли к барьеру.

Прерывали ли мы деятельность после того, как получили директиву? Нет. Машина крутилась и в дальнейшем.

Вышинский: Вывод какой?

Радек: Поэтому вывод: реставрация капитализма в обстановке 1935 года. Просто — «за здорово живешь», для прекрасных глаз Троцкого — страна должна возвратиться к капитализму. Когда я это читал, я ощущал это как дом сумасшедших. И, наконец, немаловажный факт: раньше стоял вопрос так, что мы деремся за власть, потому что мы убеждены, что сможем что-то обеспечить стране.

Теперь мы должны драться за то, чтобы здесь господствовал иностранный капитал, который нас приберет к рукам раньше, чем даст нам власть. Директива Троцкого о согласовании вредительства с иностранными кругами означала, что в нашу организацию включаются резидентуры иностранных держав. Мы перестали быть в малейшей мере хозяевами своих шагов.

Вышинский: Что вы решили?

Радек: Первый ход это было идти в ЦК партии, сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел.

Не я пошел в ЦК, а за мной пришло ГПУ.

Вышинский: Ответ красноречивый!

Радек: Ответ грустный.

Вышинский: В 1934 году вы были за поражение?

Радек: Я считал поражение неизбежным.

Вышинский: В 1934 г. вы считали поражение неизбежным. В силу чего?

Вечернее заседание 24 января

Допрос свидетеля Ромма

Суд переходит к допросу свидетеля Ромма, бывшего корреспондентом советской печати за границей и давнишнего личного друга Радека.

Вышинский: Вы были в Женеве?

Ромм: Да, я был корреспондентом ТАСС в Женеве с 1930 г. по 1934 г.

Вышинский: В Женеве вам приходилось встречаться с Радеком?

Ромм: Да, весной 1932 года. Когда Радек приехал в Женеву, я передал ему письмо Троцкого, которое получил от Седова незадолго перед тем в Париже.

Вышинский: Что же вам сообщил Радек о содержании этого письма?

Ромм: Что оно содержит директиву об объединении с зиновьевцами, о переходе к террористическому методу борьбы против руководства ВКП(б), в первую очередь — против Сталина и Ворошилова.

Далее свидетель Ромм показывает, что осенью 1932 года, будучи в Москве, он получил от Радека письмо к Троцкому, которое пришло через Берлин, и послал по ранее обусловленному Седовым адресу. Письмо это было заделано в корешок одной немецкой книги.

Вышинский: Когда была ваша следующая встреча с Седовым?

Ромм: В июле 1933 года, в Париже. Седов сказал, что хочет устроить мне встречу с Троцким. Через несколько дней он мне позвонил, и мы отправились в Булонский лес, где встретились с Троцким.

Вышинский: Для чего же Троцкий встретился с вами?

Ромм: Чтобы подтвердить устно те указания, которые я в письме вел в Москву. Разговор он начал с вопроса о создании параллельного центра. Он сказал, что опасность преобладания зиновьевцев велика, и она будет велика лишь в том случае, если троцкисты не проявят должной активности. С идеей параллельного центра он согласен, но при непременном условии сохранения блока с зиновьевцами и далее при условии, что этот параллельный центр не будет бездействующим, а будет активно работать, собирать вокруг себя наиболее стойкие кадры. Затем он перешел к вопросу о том, что в данный момент особое значение приобретает не только террор, но и вредительская деятельность в промышленности и в народном хозяйстве вообще. Он сказал, что в этом вопросе, видно, есть еще колебания, но надо понять, что человеческие жертвы при вредительских актах неизбежны и что основная цель — это через ряд вредительских актов подорвать доверие к сталинской пятилетке: к новой технике и тем самым к партийному руководству. Подчеркивая необходимость самых крайних средств, он процитировал латинское изречение, которое говорит: «Чего не излечивает лекарство, то излечивает железо, чего не излечивает железо, то излечивает огонь». И, помню, задавал несколько

Радек: Считал, что страна не сумеет защищаться.

Вышинский: Значит вы считали, что она слаба?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, исходя из предполагаемой слабости страны, вы принимали поражение?

Радек: Считал неизбежным, принял.

Вышинский: А в 1935 г. видели, что страна сильна и это не оправдывается?

Радек: Что поражение не оправдывается, а что его не будет, что это нереальная программа, потому и был против программы, которая базировалась на нереальных основах.

Вышинский: Вы говорили, что такая постановка вопроса, которая была дана Троцким в декабре 1935 года в разговоре с Пятаковым и письме, означала предложение об измене родине.

Радек: Да.

Вышинский: Вы привагаете, что факт беседы с господином... в ноябре 1934 г. это есть измена родине?

Радек: Я сознавал это в момент разговора и квалифицирую это теперь, как и тогда.

Вышинский: Как измену?

Радек: Да.

Вышинский: Чем можно доказать, что действительно после получения в декабре 1935 года письма от Троцкого и после разговора с Пятаковым вы не приняли тех установок, которые целиком и безоговорочно до того принимали? Есть у вас такие факты?

Радек: Нет.

Вышинский: У меня вопросов больше нет.

Объявляется перерыв до 6 часов вечера.

Это недоуменный вопрос — о том, что это же будет подрывать обороноспособность страны, в то время как сейчас, с приходом Гитлера к власти, опасность войны, в частности опасность нападения на СССР со стороны Германии, становится особенно актуальной. На этот вопрос я развернутого ответа не получил, но буду бросить на Троцкого мысль о том, что именно обострение военной опасности может поставить на очередь вопрос о порожности.

Затем он передал мне книгу — роман Новикова-Прибоя «Цусима», сказав, что в переплет этой книги заделано письмо Радеку. Эту книгу я взял с собой в Москву и по приезде передал ее Радеку у него на квартире. Я Радеку рассказал о своем разговоре с Троцким. Он сказал, что, очевидно, к моменту моего возвращения из отпуска он даст мне ответ для Троцкого. Вернувшись из отпуска в конце сентября 1933 года, я получил от Радека для передачи через Седова письмо Троцкому, заделанное опять-таки в переплет немецкой книги.

Письмо это я передал Седову в Париже в ноябре 1933 года. Следующая моя встреча с Седовым была в апреле 1934 года в Париже. Я ему сообщил, что в скором времени буду назначен в Америку, так что по части связи помогать не могу. Он об этом поздравил и затем, узнав, что я через короткое время еду в Москву, просил меня привезти от Радека подробный доклад о положении дел, о работе всей организации.

Вышинский: Вы выполняли поручение?

Ромм: Да, выполнил. Я передал Радеку это поручение, и в мае 1934 года, перед моим отъездом в Америку, он мне вручил письмо, опять-таки заделанное в книгу. Письмо, по его словам, содержало подробные отчеты как действующего, так и параллельного центра о развертывании политической и диверсионной работы. Это письмо я передал в Париже Седову.

Вышинский: К чему сводились ваши разговоры с Седовым относительно нашего назначения в Америку?

Ромм: Седов сказал мне, что в связи с моей поездкой в Америку имеется одна просьба Троцкого: в случае если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений, — его информировать. Когда я спросил, почему это так интересно, Седов сказал мне: «Вам известно, что наша установка — на приход к власти через поражение Советского Союза в войне. Конкретно речь может идти только о войне Германии и Японии против Союза. Поскольку японцы в своих решениях, отсрочках и т. п. будут, естественно, учитывать то или иное состояние советско-американских отношений, они представляют собой интерес».

Вышинский: Для кого?

Ромм: Для Троцкого.

(Продолжение вечернего заседания см. на 3 стр.).

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

(Продолжение. Начало см. на 2 стр.)

Допрос подсудимого Сокольников

Вышинский: Расскажите, пожалуй, о нашем отношении к объединению троцкистско-зиновьевскому террористическому центру.

Сокольников: Мне был известен состав объединенного центра, были известны террористические установки, было известно, что еще осенью 1932 г. объединенный центр наметал подготовку террористических актов против Сталина и Кирова. Было известно, что Бакаеву поручена работа по сосредоточению всех связей с террористическими группами объединенного центра. Было известно, что московские террористические группы подчинены Рейнгольду. Моя работа в параллельном центре началась летом 1935 г. До этого она выражалась в выполнении поручения относительно переговоров с одним дипломатическим представителем. В начале 1934 года Каменев предупредил меня, что дипломатический представитель одной страны может обратиться ко мне с запросом о подтверждении того, что переговоры, которые ведутся Троцким за границей, ведутся им не от своего собственного лица, а что за Троцким действительно стоит организация, представителем которой он и является.

Вышинский: Такой вопрос был обращен к вам?

Сокольников: Да, в середине апреля 1934 г. после окончания одной из официальных бесед с представителем одной страны, с которым я часто встречался по своим служебным обязанностям. Разговор произошел по окончании официальной беседы, когда переводчики вышли в соседнюю комнату. В то время, когда я проводил своего собеседника к выходу, он спросил меня, известно ли мне, что Троцкий обратился с некоторыми предложениями к его правительству. Я подтвердил, что мне это известно. Он спросил далее — являются ли эти предложения серьезными? Я подтвердил и это. Он спросил меня, — является ли это моим личным мнением? Я сказал, что это не только мое мнение, что это мнение и моих друзей.

Вышинский: Вы передавали кому-нибудь об этой беседе с представителем иностранного государства?

Сокольников: Об этой беседе я примерно через месяц разговаривал с Радехом, а потом с Пятаковым. В июле 1935 года Радех мне сообщил, что Троцкий выражал неудовольствие, что я выполняю это поручение формально, т. е. подтверждаю полномочия, но не подтверждаю предложения по существу, не защищаю их, не агитировал за них. Летом 1935 года, несколько месяцев спустя после арестов зиновьевцев и части троцкистов, я, зная, что я выделен в параллельный центр, считал, что я обязан связаться с его членами. Я обратился первоначально к Радеху.

Вопросы, которые мы обсуждали с Радехом, были вопросы выполнения террористических установок и вопросы организационного порядка в этой связи. Затем мы обсуждали и некоторые программные вопросы.

Вышинский: Какие, например?

Сокольников: Программные вопросы в связи с изменением международной обстановки. Мне известно было о переговорах, которые вели члены объединенного центра с правыми.

Вышинский: С кем персонально?

Сокольников: Я знаю, что Каменев вел переговоры с Бухариным и Рыковым, знаю, что Зиновьев и еще кто-то, сейчас не помню, вели переговоры с Томским и Углановым.

В этих переговорах была установлена общность и основных программных вопросов и общность тактических установок, в частности принятие террористического способа борьбы. Но правые не вошли в блок. Они заявили, что, будучи согласны во всем, они хотят сохранить свою отдельную организацию, свою центральную группу и поддерживать лишь контакт с объединенным центром.

Что касается программных установок, то еще в 1932 году говорилось, что в троцкистской и зиновьевской, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа, она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 г.

Вышинский: Вы с Пятаковым говорили после того, как он вернулся из за границы?

Сокольников: Да. Это было в январе 1936 г. Пятаков сообщил мне о том, что Троцкий вел переговоры с Гессом. В этих переговорах Гесс был упоминан вставивать требования, которые касались не только германских интересов, но также интересов еще одной страны.

Вышинский: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Вышинский: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Конечно, нет.

Вышинский: На кого же?

Сокольников: Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...

Вышинский: На кулака, на остальную кулака?

Сокольников: Так. Блок должен был привести к тому, что эти остатки должны были расширяться.

Вышинский: Через какие этапы лежал ваш путь к власти, по вашему представлению?

Сокольников: Путь к власти лежал через постепенное восстановление капиталистических элементов, которые бы вытеснили и, в известной мере, замещали элементы социалистические.

Вышинский: А относительно агитации?

Сокольников: Мы шли на соглашение с ними, которое бы привело к тому, что в ходе войны и в результате поражения СССР правительство блока могло бы оказаться у власти.

Вышинский: Вы сказали, что вы исходили из необходимости опереться на известные социальные слои населения. Вы назвали кулака как опору блока. Правильна эта формулировка?

Сокольников: Да, как такую силу, которая, получая от правительства блока определенные выгоды, будет заинтересована в сохранении власти этого блока.

Вышинский: Кроме этого, на какие еще элементы вы рассчитывали? Рассчитывали ли блок в своей борьбе ограничиться только своими собственными силами или он имел в виду объединить и другие антисоветские элементы в стране?

Сокольников: Несомненно, это вытекало из той экономической политики, которую намечал блок. Естественно, если блок предполагал предоставление концессий иностранному капиталу, сдачу в аренду отдельных заводов иностранному капитализму, предполагал во всяком случае вначале частичный роспуск колхозов, то, очевидно, что это создавало не только прямые элементы крупного капитализма, но и мелкокапиталистическую среду, мелких торговцев, мелкую буржуазию, которая была заинтересована в сохранении этого режима и поддерживала таким образом блок.

Вышинский: А вот в связи с тем,

Допрос подсудимого Серебрякова

Вышинский: Когда вы возобновили свою антисоветскую преступную деятельность?

Серебряков: Осенью 1932 года. Ко мне зашел Мрачковский и информировал меня о создании троцкистско-зиновьевского блока, назвал состав этого центра и тут же сообщил, что центр решил на случай своего провала выдвинуть запасной центр.

Вышинский: Как вы отнеслись к этому предложению?

Серебряков: Для меня оно не было неожиданностью. Я хотя и отошел от контрреволюционной деятельности троцкизма, но все-таки у меня остались контрреволюционные настроения, несмотря на подачу заявления в 1929 г.

Вышинский: Когда вы подали заявление в 1929 г., — вы в действительности оставались троцкистом?

Серебряков: Да, внутренне оставался троцкистом.

Далее подсудимый Серебряков показывает, как он встретился в Гаграх с Пятаковым, взял на себя руководство предательской работой на транспорте и руководство закавказской троцкистской террористической организацией.

Серебряков: В 1934 г. или, может быть, в конце 1933 г. я зашел в НКВД, подал там А. М. Арнольдова. Он выразил полную готовность взять на себя осуществление и руководство предательской работой на транспорте. Мы с ним поставили задачу совершенно конкретную и точную: срыв перевозок, уменьшение ежегодной доставки методом увеличения провоза порожних вагонов, неуважения занятием уже до этого норм провоза вагонов и паровозов и т. д. В 1934 году ко мне в Цудортранс пришел Лившиц, он был начальником Южной дороги. Я его информировал о своем разговоре с Арнольдовым. Он мне сообщил, что у него на Южной дороге имеется заместитель — Зорин и что он может развернуть работу. В 1934 г. я же привлек к предательской работе на транспорте начальника Томской дороги Миронова. Я имел также сведения в 1934 г., что привлечен Фудрийский, работающий в НКВД, а также Емшанов — заместитель начальника дороги Москва — Донбасс. Называлась также фамилия Лизева как члена организации.

В 1935 г., когда пришел на транспорт Л. М. Каганович, и у меня возникли большие опасения о возможности провала всей группы. Арнольдов меня успокоил, что предательская деятельность на транспорте очень хорошо замаскирована вот этими самыми «нормами», что «пределы нормы» получили, так сказать, права гражданства

что вы говорите относительно социально-экономических планов: каково было отношение блока к политике индустриализации?

Сокольников: Отрицательное. Блок считал, что политика индустриализации будет свернута, что часть предприятий перейдет к концессионерам.

Вышинский: Т. е. вы хотели отказаться от политики индустриализации?

Сокольников: Да.

Вышинский: А политика коллективизации?

Сокольников: Предполагалось отказаться от нынешней политики коллективизации, свернуть эту политику.

Вышинский: Значит, восстановление классового деления общества?

Сокольников: Восстановление капитализма — это и есть восстановление классов.

Председательствующий: Подсудимый Сокольников, с какими террористическими группами вы были связаны в 1935—36 гг?

Сокольников: В 1935 г. ко мне пришел Тивель и сообщил, что он связан с террористической группой Заска-Гладнева. Тивель спрашивал указаний о дальнейшей деятельности этой группы.

Председательствующий: На кого эта группа готовила покушение?

Сокольников: Мне Тивель говорил тогда, что у них было задание подготовить террористический акт против Сталина.

Председательствующий: Известно вам было о подготовке в 1934 г. покушения на тов. Кирова? Известен ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществил покушение на тов. Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 г., я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовилось покушение против Кирова. Кто его выполнял, я не знал. О деталях этого дела меня не осведомили. Но в 1932 г. я слышал о составе ленинградского центра.

Далее Сокольников показывает, что ему было известно о существовании в Ленинграде террористического центра, в частности, в центр входили Левин, Котлов, Манделштам и другие, и что ему было известно о террористической деятельности Бакаева и Рейнгольда.

Председательствующий: Много их было?

Сокольников: Много их было?

Логинов: В Одессе под руководством Голубенко была организована группа лиц, которую возглавлял Калашников и которая готовила террористический акт против Сталина. В Днепрпетровске возглавляла группу Жуков, готовивший террористический акт против Ворошилова.

Во время этой же встречи Пятаков поставил вопрос, что сейчас нужно встать на путь широкой деятельности в области разрушения тяжелой промышленности.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Утреннее заседание 25 января

Допрос свидетеля Логинова

Суд переходит к допросу свидетеля Логинова — бывшего управляющего треста «Кокс».

Вышинский: Что вам известно о троцкистской подпольной деятельности Пятакова?

Логинов: С Пятаковым я встречался в начале 1928 года. Я был исключен в это время из партии. Пятаков дал мне, Лившицу и Голубенко директиву о том, что в ближайшее время нужно будет подать двуручническое заявление об отходе от оппозиции, чтобы вернуться в партию и тем самым получить возможность начать группировать вокруг себя троцкистские кадры и продолжать борьбу против партии.

В одну из последующих встреч Пятаков сказал, что основной формой борьбы должна быть отныне террористическая деятельность. При этом Пятаков сказал, что это точка зрения Троцкого.

Вышинский: Говорил вам Пятаков, против кого направлены террористические акты?

Логинов: Да. Пятаков указывал, что террористический акт должен быть направлен в первую очередь против Сталина. Пятаков предложил создать на Украине троцкистский центр, в который вошли бы Коцюбинский, Голубенко, Лившиц и я.

В конце 1932 г. я сообщил Пятакову, что украинский центр создан. В 1934 году Пятаков выразил недовольство тем, что вопрос о террористической борьбе попрежнему ограничивается у нас общими фразами. Пятаков сказал, что основное внимание должно быть уделено именно террору и что он исполнителем значительно дорожка ряда широких организаций.

В начале лета 1935 г. Пятаков указал, что надо совершенно твердо готовить террористические акты против Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, а на Украине против Косиора и Постышева. Я ответил, что основные наши исполнители предназначены для террористических актов на Украине, кроме отдельных лиц, предназначенных для вызова в Москву.

Вышинский: Много их было?

Логинов: В Одессе под руководством Голубенко была организована группа лиц, которую возглавлял Калашников и которая готовила террористический акт против Сталина. В Днепрпетровске возглавляла группу Жуков, готовивший террористический акт против Ворошилова.

Во время этой же встречи Пятаков поставил вопрос, что сейчас нужно встать на путь широкой деятельности в области разрушения тяжелой промышленности.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно быть уделено химической части коксохимической промышленности, ибо она имеет оборонное значение.

Далее свидетель Логинов показывает, как он осуществлял эту директиву Пятакова. На новых строительных химических цехах вступали в строй намного позже коксовых печей, заводы пускались в ход без служебных цехов и т. д.

Вышинский: Не было ли у вас разговора с Пятаковым о его новой поездке за границу?

Логинов: Пятаков указывал, что он в 1935 г. вновь был за границей и получил от Троцкого подтверждение директивы о том, чтобы установить связь с иностранцами-фашистами, находящимися внутри Союза, более тщательно, чем это проводилось до этого времени. При этом Пятаков мне указывал, что имеется совершенно твердая договоренность Троцкого с фашистскими организациями в Германии и договоренность с руководящими правящими кругами в Японии о совместной борьбе против Советской власти.

Вышинский: На каких условиях?

Логинов: Он сказал, что вопрос идет о больших территориальных уступках как на Востоке, так на Западе.

Вышинский: Теперь о Ратайчаке. Скажите, как вы были с ним связаны по преступной деятельности?

Логинов: Так как Ратайчак хорошо знал коксохимическую промышленность, я рассказывал ему, какие мероприятия мы намечали.

Вышинский: Что вы говорили Ратайчаку о связи с Граше и агентами иностранной разведки?

Логинов: Я говорил, что перед нами стоит задача установления связей с иностранными разведками.

Вышинский: Как отнесся Ратайчак к вашему сообщению?

Логинов: Ратайчак в этот момент как раз искал, через кого можно было бы установить связь с иностранной разведкой, и я ему указал на Граше.

Вышинский: (обращаясь к Ратайчаку): Был у вас такой разговор с Логиновым?

Ратайчак: Да, такой разговор имел место. Логинов сообщил мне, что имеет соответствующую директиву от Пятакова. Скоро от Пятакова получил директиву и я.

Вышинский: Обвиняемый Пятаков, вы подтверждаете это показание?

Пятаков: В основном подтверждаю.

Вышинский: (к Логинову): Известно ли вам что-либо о преступной деятельности Лившица?

Логинов: Вернувшись из Берлина в 1931 году в конце лета или в начале осени, я встретился с Лившицем и пералал полученные мною в Берлине от Пятакова директивы. Я сообщил Лившицу о создании Пятаковым украинской троцкистской организации, куда входил также и Лившиц. В 1932 и 1933 гг. в троцкистском подполье на Украине нам пришлось с Лившицем проводить совместную работу.

Вышинский: (к Лившицу): Вы не имеете никаких замечаний по поводу показаний свидетеля Логинова?

Лившиц: Нет.

Допрос подсудимого Богуславского

Вышинский: Расскажите, в чем выражалась ваша преступная троцкистская деятельность в Сибири?

Богуславский: Моя деятельность началась с начала февраля 1928 года, когда я получил через Сосновского директиву Троцкого о создании сибирского троцкистского подпольного центра.

